

Борис Васильев

Офицеры (фрагмент)

Война

Осунувшееся, почерневшее и повзрослевшее лицо Егора Трофимова. Он — в танковом шлеме, в изрядно потрепанном комбинезоне, перетянута отцовским ремнем со звездой на пряжке.

Звучит обыденный усталый голос:

— За образцовое выполнение приказов командования и проявленные при этом отвагу и героизм наградить гвардии младшего лейтенанта Трофимова Георгия Алексеевича орденом Отечественной войны первой степени.

Сурово, без улыбки смотрит на нас гвардии младший лейтенант Георгий Трофимов.

Вокзальное здание товарной станции с прокопченной дымом вывеской «ГОРОД ГОРЬКИЙ».

На дальних запасных путях готовился к отправлению санитарный состав из разномастных пассажирских вагонов с красными крестами. К вагонам прямо по железнодорожным путям подъезжали грузовики, и медицинский персонал поезда — военврачи и фельдшеры, сестры и санитарки — выгружал из машин тюфяки, постельное белье, ящики с медикаментами, тюки с перевязочным материалом. Осматривали, считали, сортировали и разносили по вагонам.

В самом поезде бойцы санитарного отряда производили генеральную уборку: мыли щелоком полы и стенки, дезинфицировали полки, протирали ветошью стекла.

Любовь Андреевна в меховой безрукавке поверх гимнастерки с узкими полевыми погонами капитана медицинской службы шла вдоль состава, останавливаясь возле каждой машины, возле каждой группы людей.

— Не путайте медикаменты с инструментами, девочки. Все инструменты — в кригеровский. Катя, проследи.

— Есть, Любовь Андреевна.

По дороге вдоль станционных путей пожилой старшина вел строй девушек. Девушки путались в длиннополых шинелях,

страдали в больших кирзовых сапогах, шли вразнобой, и поэтому старшина то и дело строго покрикивал:

— Ногу! Ногу! Левой! Левой! Р-равнение!..

В строю шла Маша Белкина. Выравнивая шеренгу, она повернула голову и вдруг увидела возле вагона Любовь Андреевну. Остановилась от неожиданности, вновь поломав строй.

— Белкина, ногу!.. — сердито закричал старшина. — Ворон считаешь? Левой! Левой!..

Маша поспешно поправила шаг.

Взвод девушек уходил по дороге, идущей вдоль санитарного поезда. Маша нет-нет да и оглядывалась на него.

— Осторожнее, девушки, — говорила Любовь Андреевна двум молоденьким санитаркам, которые снимали с грузовика большие картонные коробки. — Здесь — ампулы, не бросайте.

И пошла дальше вдоль состава.

— Любовь Андреевна! — ее догонял немолодой майор в очках с протезом вместо левой руки. — Почему опять такая поспешность? Уж который рейс не дают толком подготовиться.

— Что делать, Виталий Иванович, приказ. Санитарные поезда снимают со всех фронтов на наше направление: понимаете, что это означает? Поэтому очень вас прошу, дорогой Виталий Иванович, поезжайте завтра с утра к горвоенкому и во что бы то ни стало выбейте у него еще одного хирурга. Будет много раненых, без дополнительного хирурга нам — зарез.

— Не даст он, Любовь Андреевна, — виновато вздохнул майор. — Откажет, как в прошлый раз.

— Виталий Иванович, отбросьте вы, наконец, эту гражданскую деликатность. Не то время, не те обстоятельства. Мой Алексей тоже не любит ходить по начальству, но когда это касается дела — лбом стену прошибет. Замполит еще раз угнетенно вздохнул.

Поздней ночью в купе, которое занимала военврач Трофимова, осторожно постучали. Любовь Андреевна стелила постель, собираясь лечь спать.

— Кто там?

— Карпова это, Любовь Андреевна, — ответили из-за двери. — Девушка вас какая-то спрашивает. С ребенком.

— А что ей нужно?

— Не знаю. Говорит, очень важно.

— Хорошо, Катя, — скажи, я сейчас приду.

Любовь Андреевна вышла на площадку вагона, открыла дверь.

Внизу стояла худенькая девушка в длинной и широкой не по росту шинели с ребенком, завернутым в ватное одеяло, на руках.

— Вы ко мне?

— Извините, что разбудила. Не узнаете меня? Я — Маша.

Маша Белкина.

— Машенька! — обрадовалась Любовь Андреевна, поспешно спускаясь на платформу. — Здравствуй, Машенька. Ну, поднимайся в вагон. Давай помогу.

Они вошли в купе.

— Положи малышку, — сказала Любовь Андреевна. — Что это ты ребенка по ночам таскаешь? Девочка?

— Сын.

— Как зовут?

— Иваном.

— Сколько же ему?

— Скоро два.

— А тебе?

— Скоро двадцать.

Любовь Андреевна покачала головой — не то осуждающе, не то с уважением.

— Отчаянный ты человек, Мария.

Маша промолчала.

— Я что-то не пойму, ты — в армии? Как же тебя приняли с таким малышом?

— Никто не знал. Пока училась, Ваня был у соседки. А я — то в увольнение, то в самоволку.

— Почему же ты не отдала его матери? — строго спросила Любовь Андреевна.

— Матери? — Маша отвернулась, поправляя одеяльце на ребенке. Сказала спокойно:

— Мамы больше нет. Она не успела эвакуироваться, не могла оставить больных детей. Инвалидов. Беспомощных инвалидов. Маму немцы повесили, Любовь Андреевна.

— Машенька...

— Вы не курите? А я — закурю.

Резко поднялась, вышла в коридор.

В ночном пустом коридоре Маша свернула сигарку, прикурила. Из купе вышла и Любовь Андреевна.

— Через неделю у нас выпуск, а там, вероятно, и назначение, — тем же спокойным, точно выжженным голосом сказала Маша. — Вот поэтому...

— Вот поэтому ты должна немедленно заявить, что у тебя ребенок, — решительно перебила Любовь Андреевна. — Твое место в тылу, а не на фронте.

— Мою маму повесили немцы. Она работала нянечкой в детском доме для детей-инвалидов. Совсем беспомощных, умственно неполноценных. Очень жалела их, любила, привязалась. А какой-то ээсовец приказал их уничтожить. Расстрелять прямо в кроватках. Мама хорошо знала немецкий, все поняла, она как раз несла кипяток. И выплеснула кастрюлю ему в лицо.

— Боже мой...

— Ее повесили с табличкой «Партизанка». Мне рассказывали очевидцы, потому что мама успела отправить меня в эвакуацию: она знала, что я жду ребенка.

Любовь Андреевна вздохнула, горько покачав головой. Помолчав, сказала иным тоном:

— Теперь у тебя есть сын, Машенька. И твой долг вырастить его, поставить на ноги...

— Мою маму повесили немцы, — все так же спокойно произнесла Маша. — Что бы вы ни говорили, я буду повторять: маму повесили немцы. Повесили, понимаете? Мою маму повесили. На дереве, даже без виселицы.

Она замолчала, пристально разглядывая огонек сигарки. Молчала и Любовь Андреевна, с болью и жалостью глядя на нее.

— Кроме мамы у меня есть только один близкий человек, — тихо проговорила Маша. — Он на фронте, и я не хочу его ничем беспокоить: воевать надо с легким сердцем. Но он однажды сказал, чтобы я обращалась к вам, если будет совсем трудно.

— Машенька, девочка моя, я сделаю все, что в моих силах. Я завтра пойду к начальнику твоей школы...

— Никуда не надо ходить, Любовь Андреевна. Просто пока возьмите Ваню к себе.

— То есть куда это — к себе, Маша? И что значит: пока?

— Пока я не вернусь.

— Откуда?

— С той стороны.

— Что ты говоришь?!

— Школа готовит радистов для партизанских отрядов и диверсионных групп. Мама неплохо обучила меня немецкому, и я нужна там.

— Ты нужна сыну!

— Вот и возьмите его. Больше просто некому.

— Машенька, мы делаем рейсы на фронт. На фронт, ты это понимаешь? Под бомбежки и обстрелы.

— Мне некому больше оставить Ваню, Любовь Андреевна. Некому. Я понимаю, как вам будет трудно, но что же делать?

— Машенька, это не просто трудно, это невозможно. Я понимаю, я все понимаю, но, может быть, лучше... Детдом?

— Может быть, — равнодушно согласилась Маша. — Только я не смогла заставить себя сделать это. Если сможете — отдайте. От бабушек ведь тоже принимают.

— Что?! — Любовь Андреевна задохнулась, качнулась к ней. — Что ты сказала, Маша?..

Поезд дернулся: прицепили паровоз. Маша инстинктивно рванулась к купе, но, пересилив себя, остановилась. Сказала, еле сдерживая слезы и глядя мимо Любви Андреевны:

— Идите к нему, Любовь Андреевна, идите, он может упасть. Идите к внуку!

Состав уже дергало и качало: бригада пробовала сцепки и тормоза. И потрясенная Любовь Андреевна, подчиняясь суровому приказу вчерашней девочки, поспешно шагнула в купе. К внуку.

А Маша, натыкаясь на стенки и изо всех сил сдерживая рыдания, шла к дверям вагона.

Санитарный поезд шел порожним рейсом.

За стеклом штабного вагона мелькнуло лицо Любви Андреевны. Она держала на руках ребенка.

Состав шел на фронт сквозь заснеженные российские просторы.

Расположенный возле маленькой железнодорожной станции эвакуационный пункт с чудом уцелевшим зданием вокзала был переполнен ранеными: на фронте шло наступление. Раненые были везде: на платформе, возле насыпи, в станционном здании. На земле и снегу, на досках пола и на скамейках — сидели, лежали и даже стояли. А их все подвозили и подносили.

Бой гроыхал где-то совсем близко. На путях изредка рвались шальные снаряды.

На переполненную ранеными привокзальную площадь буквально ворвался американский «виллис». С него на ходу спрыгнули двое в маскировочных халатах. Из машины вытащили третьего — тоже в маскхалате, с забинтованной головой. Двое соскочивших на ходу потащили его на перрон, поближе к ожидаемому поезду, а шофер кричал вдогонку:

— Держись, лейтенант! Мы тебя найдем, не тревожься!..

Раздался длинный паровозный гудок. Раненые оживились, кто-то привстал, кто-то уже пополз поближе к путям.

На станцию медленно втягивался санитарный поезд. Любовь Андреевна спрыгнула с подножки на ходу, не ожидая остановки, и побежала вперед, к станционному зданию.

Вслед за ней на перрон спрыгивали санитарки, врачи, медсестры.

— Откройте все двери! — кричала на бегу военврач Трофимова. — Тяжелых грузить в первую очередь!

К ней от станционного здания бежал пожилой капитан, еще издали крича хриплым сорванным голосом:

— Назад! Кто разрешил? Почему на красный свет? Немедленно назад, назад! Кто начальник поезда?

— Я — начальник, — на ходу отчеканила Любовь Андреевна.

— Куда вас, к черту, несет?! Немецкие танки прорвались!.. Немедленно отвести поезд! Немедленно!..

— Закончим погрузку, отведу.

— Вы с ума сошли! — истерически кричал капитан, семеня сбоку. — Я приказываю! Я — начальник эвакуопункта! Немцы вот-вот пути перережут, вы это соображаете?..

— Не орите. Соображаю.

— Под трибунал пойдешь, идиотка!..

Любовь Андреевна неожиданно остановилась, в упор глянула на него, сказала негромко:

— А ну убирайся отсюда, паникер.

И, отстранив его, пошла дальше.

Замполит вошел в полуразрушенное станционное здание, где ожидали погрузки легкораненые. Остановился у порога, старательно протирая очки. Потом надел их, оглядел забитое людьми помещение и негромко сказал:

— Я обращаюсь только к тем, кто добровольно возьмет оружие. Нужно остановить немцев хотя бы минут на сорок. На полчаса. Я понимаю, вы заслужили отдых. Кровью своей заслужили. Но если мы не остановим врага, они добьют здесь всех. Вот.

Раненые внимательно слушали майора, но никто пока не вставал с места.

— Извините, — замполит неуверенно потоптался и вышел на перрон.

— Ну что, мужики, неужели майора одного бросим? — помолчав, спросил сидевший в углу летчик с перевязанным плечом. — Офицеры есть?

Не ожидая ответа, он встал и, шагая через раненых, пошел к выходу.

Не успел еще выйти, как за ним по одному, по двое, группами стали подниматься раненые.

На станционных путях уже грохотали взрывы. Любовь Андреевна быстро шла вдоль состава.

— Грузите в штабной вагон, — говорила она на ходу санитарам. — Занимайте все свободные места. Кладите на пол! Здесь не должно остаться ни одного раненого!

Несмотря на обстрел, на грохот близкого боя, персонал санитарного поезда действовал с привычной уверенностью и сноровкой. Фельдшеры и медсестры принимали от санитаров раненых, вносили в вагоны, клали на все свободные места.

В степной балке за станцией залегла жиденькая цепочка легкораненых. На правом фланге лежал замполит, все время протиравший очки; в центре расположился хмурый молодой капитан-казах, на правом фланге — летчик с перевязанным плечом.

Раненые были обстрелянными солдатами и сейчас молча, без излишней суеты готовились к неравному бою. Подтаскивали ящики с гранатами и патронами, бинтами стягивали гранаты в связки, проверяли, заряжали и прилаживали поудобнее личное оружие.

Из-за пригорка напротив выползли три фашистских танка. Было видно, как с брони спрыгивают маленькие фигурки автоматчиков.

Из кустов за овражком била по танкам прямой наводкой батарея «сорокапятки», и немецкие автоматчики рвались к ней.

— Огонь! — крикнул замполит.

Раненые открыли редкий огонь, прикрывая батарею и вызывая атаку автоматчиков на себя.

Все три немецких танка, развернув башни, открыли пулеметный огонь по цепи. Затем тронулись с места и один за другим медленно поползли на раненых.

— Держите автоматчиков! — крикнул капитан-казах. — Истребители, за мной!..

Перевалился через бруствер, пополз навстречу танкам, умело используя неровности местности. Следом ползли несколько бойцов-истребителей со связками гранат. Капитан добрался до удобной позиции раньше, выбрал момент и, привстав, швырнул связку под гусеницы вырвавшегося вперед вражеского танка.

Грохнул взрыв. Танк остановился, косо развернувшись на разорванной взрывом гусенице.

— Бей их, ребята!.. — выкрикнул замполит, в запале вскочив в полный рост.

И тотчас же упал, сраженный пулеметной очередью. Упал, так и не расслышав крика летчика:

— Танки!.. Наши танки!..

Из леса за их спинами вырвались тридцать четверки, стреляя с хода.

Санитарный поезд уходил с железнодорожной станции, где горело станционное здание, дымилась водонапорная башня, но ни в помещениях, ни на перроне уже не было ни одного раненого.

Любовь Андреевна вошла в операционную. Старенький лысый хирург старательно мыл руки в тазу. Из-за перегородки, за которой только что закончилась операция, медсестра Катя вынесла таз с окровавленными бинтами.

— Четверо погибли, — вздохнул хирург. — Я ничего не мог сделать. Ничего.

— Я понимаю, — сказала Любовь Андреевна. — Дай мне их документы, Катюша, я подпишу заключения.

Она присела было за столик, но тут поспешно вошел пожилой фельдшер:

— Любовь Андреевна, скорее в кригеровский! Майор сознание потерял!

— Какой майор? — ахнула Катя. — Неужели наш?

— Документы позже принесешь в купе, — сказала Любовь Андреевна, поспешно выходя вслед за фельдшером.

Следом засеменял старенький хирург, на ходу вытирая руки.
Санитарный поезд шел полным ходом.

В своем купе Любовь Андреевна кормила внука манной кашей, привычно приговаривая:

— За папу... За маму... Ну, вот мы и поужинали, Иван Егорыч, пора и на боковую.

Вошла Катя.

— Вот документы, Любовь Андреевна, — она положила на столик пачку листов. — Сейчас будет остановка, надо погибших с поезда снять. Тесно очень.

— Да, конечно. Распорядись, я пока подпишу.

Катя вышла. Любовь Андреевна уложила внука, присела к столику и раскрыла первый документ, в который было вложено заключение о смерти.

— Федченко Петр Сергеевич. Сержант.

Проверила заключение, подписала. Взяла второе.

— Лыков Иван Сидорович. Рядовой.

Проверила заключение, подписала. Взяла третье, открыла удостоверение личности...

И вдруг закричала. Закричала страшно, не слыша себя, и крик этот разнесся по всему штабному вагону.

— Стойте! Не сгружайте их! Не сгружайте!..

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонемента по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
- в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.

Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20, 2 этаж.